

НАСЦИТУРУС

Роман Михайлов

Роман Михайлов

Насцитурус

«Автор»

2026

Михайлов Р.

Насцитурус / Р. Михайлов — «Автор», 2026

В зале суда будущего, где заседание ведёт искусственный интеллект-судья, решается судьба шестинедельного ребёнка, рождённого уже после смерти родителей. Есть ли у него право на имя, происхождение и наследство — и что закон способен сказать о человеке, которого выносила машина.

© Михайлов Р., 2026

© Автор, 2026

Роман Михайлов

Насцитурус

Дождь над Питером сегодня прошел по расписанию — Комитет по климату провел его в ночные часы, чтобы не мешал движению, и к утру улицы блестели чисто вымытыми. Артём Левин поднялся к зданию суда по эскалатору-ленте, мимо стены, где городская справочная система узнала его лицо и беззвучно высветила в воздухе: «Левин А. С., зал 7, заседание в 10:00, до начала 12 минут». Он давно привык, что город знает о нём больше, чем он сам успевает вспомнить, и давно перестал этому удивляться. Беспилотные такси выстраивались у подъезда ровной дугой, как рыбы в косяке; над ними, на фасаде Дворца правосудия, медленно поворачивалась голографическая Фемида с весами — единственное, что осталось здесь от прежних веков.

Зал номер семь районного суда не имел окон, и Левин давно перестал из-за этого нервничать. Свет здесь был лучше любого дневного — мягкий, ровный, без теней, словно сама комната не хотела, чтобы кто-то прятал лицо. Стены из тёплого песочного композита поглощали звук так чисто, что собственный голос казался чужим. А там, где в старых судах громоздилось деревянное возвышение с государственным гербом, теперь была только матовая чёрная панель во всю стену и три буквы под ней: ФЕМИС. С.

Федеральная единая магистратура информационных систем. Судья.

Левин разложил перед собой тонкий планшет, хотя и знал, что бумаги ему не понадобятся — система видела все материалы дела раньше, чем он входил в зал. Он раскладывал их по привычке. Двадцать семь лет практики, из них последние шесть — вот в таких залах, перед чёрной панелью вместо человека в мантии, а руки всё равно сами тянулись к бумаге. Старая школа.

Напротив, за столом ответчика, устраивался Глеб Сотников. Молодой, дорогостоящий адвокат, в костюме оттенка мокрого асфальта, с той гладкой уверенностью, которую дают только выигранные дела и хороший процессор в нагрудном импланте-секретаре. Он коротко кивнул Левину — вежливо и пусто.

— Артём Сергеевич, — сказал Сотников. — Не ожидал, что опека наймёт именно вас. Дело-то на полчас.

— Тогда вы быстро освободитесь, — ответил Левин.

За спиной Сотникова сидела его доверительница — Лидия Карловна Венгер, сестра покойной. Сорок с небольшим, прямая спина, кольца, лицо человека, который уже мысленно расставил мебель в квартирах, ещё ему не принадлежащих. Она не смотрела на Левина. Она смотрела на чёрную панель — как на банкомат, который вот-вот выдаст наличные.

Истца в зале не было. Истцу было шесть недель от роду, и он спал в Доме ребёнка номер четыре, в кроватке с подогревом, не подозревая, что в зале номер семь решается, человек ли он вообще.

— Заседание открыто, — произнесла панель.

Голос ФЕМИДЫ был ни мужским, ни женским — спокойный, средней высоты, с едва уловимой паузой перед каждой фразой, будто система всякий раз заново решала, стоит ли говорить именно так. Разработчики называли это «интонацией взвешенности». Левин про себя звал это вежливостью машины, которой некуда спешить.

— Слушается гражданское дело по иску органа опеки и попечительства, действующего в защиту интересов несовершеннолетнего, обозначенного в материалах как Ребёнок М., к гражданке Венгер Лидии Карловне. Предмет иска: установление происхождения ребенка от умерших Венгер Марии Карловны и Венгера Игоря Дмитриевича и признание за ребенком

права собственности в порядке наследования. Истца представляет адвокат Левин. Ответчика — адвокат Сотников. Стороны, подтвердите готовность.

— Готов, — сказал Левин.

— Готов, — сказал Сотников.

— Перед началом, — продолжила ФЕМИДА, — напоминаю сторонам принцип работы суда. Я не выношу решение на основании внутреннего убеждения. Я выношу его на основании закона, представленных доказательств и логической непротиворечивости аргументов. Любая сторона вправе запросить раскрытие цепочки рассуждений, приведшей к решению. Любая сторона вправе обжаловать решение в Апелляционной инстанции, где председательствует человек. Права ясны, отводы имеются?

— Права ясны, отводов нет, — отозвались оба.

Над столами развернулись полупрозрачные панели — личные интерфейсы. На них мерцали статьи кодексов, подсвеченные системой как «релевантные». Левин заметил, что ФЕМИДА уже вывела перед ним пункт 1 статьи 48 Семейного кодекса. Она знала, на чем будет стоять защита ребенка. Она знала и на чем будет стоять Сотников. Она просто ждала, кто как это повернет.

— Слово стороне ответчика для изложения позиции, — сказала панель. — Поскольку именно ответчик оспаривает само наличие у истца наследственных прав.

Сотников поднялся. Он не суетился, не перебирал бумаг — он говорил так, будто читал заранее одобренный приговор.

— Уважаемый суд. Дело это кажется сложным только из-за своей новизны. По существу же оно простое, и я прошу не позволить новизне заслонить закон.

Он сделал паузу — ровно такую, какую делают, когда знают, что их слушают.

— Восьмого марта сего года в автомобильной катастрофе погибли супруги Венгер — Мария Карловна и Игорь Дмитриевич. На момент гибели у них не было детей. Они не могли зачать естественным путём и обратились в перинатальный центр «Геностарт», где прошли процедуру экстракорпорального оплодотворения. Полученный эмбрион был помещен не в тело матери — Мария Венгер по медицинским показаниям не могла вынашивать, — а в систему искусственного вынашивания. В народе её называют «искусственной утробой». Аппарат «Гестомат-3».

На общей панели возникло изображение: матовая капсула, оплетенная трубками, с прозрачным сегментом, за которым угадывался силуэт. Лидия Венгер чуть отвернулась.

Левин смотрел на капсулу, и зал на мгновение поплыл.

Полтора года назад Мария и Игорь Венгер сидели у него в кабинете — он вел их дела, и когда речь зашла о процедуре, именно он сопровождал их к нотариусу, оформлять то самое согласие, что теперь лежало в деле на листе под номером двенадцать. Он стоял рядом, когда нотариус зачитывала им текст и они ставили подписи. Он помнил, как Игорь, большой и неловкий, все держал жену за руку поверх стола, будто боялся, что ее унесет. Как Мария, бледная после третьего курса лечения, сказала тихо: «Доктор говорит, мое тело не выносит. Но клетки живые. Ребенок может быть. Просто... в другом месте». Помнил, как она запнулась на словах «в другом месте» — точно так же, как сейчас запнулся Сотников на слове «извлечен». Будто и мать, и чужой адвокат одинаково не находили имени тому, что закон не назвал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.